

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О МОЕМЪ ДѢТСТВѢ.

Начну съ начала. Не думайте, почтенный читатель (если я удостоюсь такового имѣть), что начало ничего не значитъ; напротивъ, я убѣдилась долгимъ опытомъ, что много и много значитъ. Роскошная обстановка и любовь среды, окружающей дѣтство, благотворно дѣйствуютъ на все существо человѣка и если вдобавокъ, по счастливой случайности, не повредятъ сердца, то выйдетъ существо, презиращее все гадкое и грязное, существо, не способное ни на что низкое и отвратительное, не понимающее подкупности и мелкаго расчета. Дайте только характеръ твердый и правила. Но, къ несчастію, почти всѣ родители и воспитатели расположены убивать, уничтожать все, что общается выработаться въ характеръ самостоятельный въ ихъ питомцахъ, такъ какъ съ характерными дѣтьми больше возни... Имъ больше всего нужны покорность и слѣпое послушаніе, а не смѣло проявляющаяся воля.

Я родилась въ Орлѣ, въ домѣ моего дѣда Ивана Петровича Вульфа, который былъ тамъ губернаторомъ. Мнѣ и теперь случается встрѣчать старожиловъ, вспоминающихъ о немъ съ благоговѣніемъ, какъ о высокой и благодѣтельной личности. Я часто вспоминаю обо этомъ безподобномъ человѣкѣ, и на душѣ становится свѣтло и радостно, и мнѣ бы хотѣлось, чтобы узнали всѣ, какъ онъ расточалъ когда-то всѣмъ окружающимъ благодѣянія и ласки. Впослѣдствіи я обращусь къ нему, а теперь поговорю о его женѣ, моей бабушкѣ Аннѣ Ѳедоровнѣ. Она была дочь Ѳедора Артамоновича Муравьева, имѣла большія знакомства и родню, бывала при дворѣ и часто ѣздила въ Петербургъ. Въ концѣ прошлаго вѣка она ѣздила туда со всѣмъ своимъ семействомъ къ брату своему Николаю Ѳедоровичу Муравьеву (бывшему оберъ-полицеймейстеру) по случаю женитьбы его на Натальѣ Васильевнѣ Апраксиной, очень богатой, но не красивой и притомъ сварливой и скупой... Бракъ былъ по расчету. Заключено было условіе между ними, что имѣющій остаться въ живыхъ получитъ все состояніе умершаго. Николай Ѳедоровичъ умеръ прежде Натальи Васильевны, и она присоединила 70 душъ его къ своимъ 2000, и 50 лѣтъ послѣ него жила и

играла въ карты. Во время этой поѣздки моей бабушки въ Петербургъ, дочь ея, а моя мать, Екатерина Ивановна, вышла замужъ за Петра Марковича Полторацкаго, сына Марка Ѳедоровича Полторацкаго и жены его Агаѳоклен Александровны, рожденной Шишковой; а братъ ея Николай Ивановичъ Вульфъ женился на Прасковѣ Александровнѣ Вындомской. Это была замѣчательная партія. Мужъ нянчился съ дѣтьми, варилъ въ шлаф-роктъ варенье, а жена гоняла на хордѣ лошадей, или читала Римскую Исторію. Оба они однако были люди достойные любви и уваженія. Отъ этого брака произошла Анна Николаевна, мой искренній другъ, котораго я любила всю жизнь. Увы, она уже умерла!

Вотъ послѣ этихъ свадебъ дѣдушка получилъ мѣсто губернатора въ Орлѣ и поѣхалъ туда съ новобрачными, съ сыновьями и дочерьми: Анною и Натальею. Тамъ-то я и родилась, 11-го Февраля 1800 года, подъ зеленымъ штофнымъ балдахиномъ съ бѣлыми и зелеными перьями страуса на углахъ. Обстановка была такъ роскошна, что посѣтительницамъ мудрено было класть *на зубокъ* подъ подушку матери иначе какъ золото, и его набралось до 70 Голандскихъ червонцевъ. Эти червонцы занялъ Иванъ Матвѣевичъ Муравьевъ-Апостолъ въ 1807 году. Онъ былъ тогда въ нуждѣ. Впослѣдствіи онъ женился на богатой и, по случаю женитьбы Петра Ивановича Вульфа на Розоной, говорилъ, что „Вульфъ женился на розѣ, а я на цѣлой житницѣ“. Несмотря однако же на это, долгъ остался неуплаченнымъ. Что еслибы наслѣдники его вспомнили о старомъ долгѣ и помогли мнѣ въ нуждѣ?

Мать моя, восторженно обрадованная моимъ появленіемъ на свѣтъ, сильно огорчалась, когда не смогла устроить, чтобы ей позволили кормить. Отъ этого сдѣлалось разлитіе молока, отнялась нога, и она всю жизнь хромила. Пока нашли мнѣ мамку, ко мнѣ приходила кормилица Анны Николаевны, которая родилась прежде меня тремя мѣсяцами. Но мать этой послѣдней не всегда отпускала ко мнѣ кормилицу, мнѣ приходилось иногда бывать впроголодь, и это очень огорчало мать.

Батюшка началъ меня воспитывать еще съ пеленокъ, и много натерпѣлась я отъ его методы воспитанія! Онъ былъ добръ, великодушенъ, остроуменъ повольтеровски, достаточно, по тогдашнему времени, образованъ и весь пропитанъ былъ ученіемъ энциклопедистовъ; но у него много было забористости и самонадѣянности, побуждавшихъ его къ капризному своеволію надъ всѣми окружающими. Отъ этого и обращеніе со мною доходило до нелѣпности. Когда я, бывало, плакала отъ того, что хотѣла груди, или была нездорова, онъ меня клалъ въ темную комнату и оставлялъ въ ней до тѣхъ поръ, пока я, отъ усталости, засыпала въ слезахъ. Требовалъ, чтобы не пеленали и отнюдь не качали. Но окружающіе дѣлали это по секрету; онъ сердился и вымещалъ на мнѣ-малюткѣ. Отъ такого прятанья случались казусы, могшіе стоить мнѣ жизни. Однажды бабушка унесла меня, когда я раскричалась, на дворъ во время гололедицы, чтобы онъ не слышалъ моего крика, споткнулась на крыльцѣ, бухнулась

со всѣхъ ногъ и чуть не раздавила меня. Въ другой разъ двѣ тетушки качали меня на подушкѣ, чтобы унять мой плачъ и уронили на кирпичный полъ. Это было въ дорогѣ, когда батюшка, переѣзжая въ живописныя Лубны, гдѣ ему бабушка дала въ управленіе 700 душъ, завозилъ матушку въ Сорочинцы, Полтавской губ., къ знаменитому тогда доктору Трофимовскому, для полученія отъ него совѣтовъ относительно больной ея ноги.

Приѣхавъ въ Лубны, батюшка занялся хозяйствомъ, а матушка леченіемъ, согласно даннымъ ей Трофимовскимъ наставленіямъ и рецептамъ. Отецъ мой въ обращеніи съ крестьянами и прислугою проявлялъ большую гуманность. Онъ былъ врагъ тѣлесныхъ наказаній, розогъ у него и въ заводѣ не было, и платилъ жалованье прислугѣ въ то темное время, когда на слугъ и крестьянъ смотрѣли исключительно какъ на рабочую силу. Впрочемъ, несмотря на гуманность, онъ, въ припадкѣ спекулятивныхъ увлеченій, продалъ разъ на свозъ цѣлое село крестьянъ. Спекуляціи его раззорили. Онъ имѣли характеръ болѣе поэтическій, чѣмъ коммерческій и лопались, какъ мыльные пузыри.

Чтобы отдохнуть отъ продолжительнаго леченія и разныхъ семейныхъ заботъ и смущеній, мать поѣхала вмѣстѣ со мною и другой дочерью, которую сама кормила, къ своимъ родителямъ, жившимъ тогда въ Тверской губерніи, въ имѣніи своемъ, миломъ нашемъ Берновѣ. Мнѣ былъ тогда четвертый годъ.

Тутъ мы прожили годъ, потому что я и малютка-сестра заболѣли scarlatinoю, отъ которой сестра моя и умерла. Изъ этого года памятны мнѣ: няня Васильевна, варившая мнѣ кашу на сливкахъ; крики на нее батюшки, чтобы она не смѣла усыплять меня сказками и даже сидѣть у постельки моей; болѣзнь и противныя лекарства. Засыпать одной въ комнатѣ было ужасно, и мнѣ казалось, что приказаніе батюшки, чтобы няня не сидѣла возлѣ меня, когда я лягу спать, отдано было мнѣ на зло.

Въ Берновѣ было нѣсколько дѣтей; но я помню хорошо только одну Анну Николаевну Вульфъ, съ которою потомъ училась и всегда была дружна. Мы обѣдывали на маленькомъ столикѣ въ столовой, за чашъ до обѣда старшихъ. За обѣдомъ присутствовала одна изъ нашихъ няней: или моя Палагея Васильевна, или ея Ульяна Карповна; обѣ добрыя, усердныя и ласковыя.

Мнѣ было привольно въ Берновѣ, особенно въ отсутствіи батюшки. Всѣ были внимательны и нѣжны ко мнѣ, въ особенности нашъ безподобный дѣдушка Иванъ Петровичъ. Онъ очень любилъ птицъ. Въ обѣденной залѣ, смежной съ его кабинетомъ, находилась вольерка съ канарейками. Ихъ тамъ было очень много. Однажды я сѣла на колѣни къ дѣдушкѣ и сказала: „Я думаю, что жареныя канарейки очень вкусны. Я бы хотѣла, чтобы вы приказали жарить мнѣ ихъ“... Мнѣ не приходило въ голову, что ихъ для этого нужно рѣзать. Я никогда не ходила въ кухню (она отстояла отъ дома далеко) и не имѣла понятія о томъ, какъ готовятъ кушанья. Дѣдушка не сдѣлалъ никакого замѣчанія, по поводу моего жесто-

косердія и съ своею доброю, кротою улыбкою сказалъ: „хорошо, я велю“... и мнѣ стали подавать жареныхъ птичекъ, разумѣется, не канареекъ, а воробьевъ. Пользуясь, вѣроятно, этимъ, было украдено нѣсколько канареекъ, и я, замѣтивъ ихъ убыль, объявила дѣдушкѣ, что уже довольно жарить ихъ, что ихъ уже мало осталось. Дѣдушка никогда не сердился и на этотъ разъ никого не бранилъ за пропажу канареекъ, а выразилъ только огорченіе, и воровство прекратилось. Никто никогда не слыхалъ, чтобы онъ возвышалъ голосъ, чтобы онъ кричалъ, и на его умномъ лицѣ всегда витала обаятельная, кроткая улыбка, такъ мастерски воспроизведенная карандашемъ Кипренскаго, на стоящемъ передо мной портретѣ. Этотъ портретъ рисовался въ Твери, и я стояла, облокотясь на столъ, за которымъ сидѣлъ дѣдушка и смотрѣлъ на меня съ любовью въ то время, когда художникъ быстро воспроизводилъ милыя мнѣ черты.

Жена дѣдушки, Анна Ѳеодоровна, была урожденная Муравьева, близкая родственница знаменитаго Михаила Никитича Муравьева воспитателя и друга Александра I-го. Она и сестра ея Любовь Ѳеодоровна, нѣжно мною любимая и горячо привязанная къ моей доброй, мягкой матери, были аристократки. Первая держала себя чрезвычайно важно даже съ дѣтьми своими, несмотря на то, что входила во всѣ мелочи домашняго хозяйства. Такъ напримѣръ, я помню, что въ ея уборную приносили кувшины молока, и она снимала съ нихъ сливки для всего огромнаго семейства. Пирогіи всегда лѣпились при ней на большомъ столѣ въ дѣвнчей, огромной комнатѣ съ тремя окнами. Тутъ пеклись и хлѣбы къ свѣтлому празднику, и часто разбирался осетръ въ ростъ человѣка. При всемъ этомъ я присутствовала, и меня очень занимала эта возня. Важничанье бабушки происходило отъ того, что она бывала при дворѣ и представлялась Маріи Ѳеодоровнѣ съ матерью моею, бывшею тогда въ дѣвицахъ. Всегда привѣтливая и ласковая, Императрица познакомила мою мать съ своими дочерьми—Еленою и Александрю Павловнами, сравнивала ихъ ростъ, и мать моя говорила потомъ, что она никогда не видала никого красивѣе ихъ. Помню, какъ бабушка Анна Ѳеодоровна долго не соглашалась на бракъ своей дочери Натальи Ивановны съ Вас. Ив. Вельяшевымъ, добрѣйшимъ и честнѣйшимъ человѣкомъ, любившимъ искренно Наталью Ивановну и пользовавшимся ея безграничною привязанностію, потому только, что онъ не былъ такимъ аристократомъ, какого она желала въ мужья для дочери, былъ игрокъ и имѣлъ несчастіе испытать за картами оскорбленіе. Дѣти однако уговорили ее, и она устроила парадный, торжественный сговоръ. Когда семья и приглашенные гости усѣлись на креслахъ вокругъ стѣны и вблизи дивана, на которомъ она возсѣдала съ дочерью Натальею Ивановною и когда подошелъ къ нимъ женихъ, то она взяла руку дочери, положила на его руку и торжественно, съ величайшею важностію, сказала: „Василій Ивановичъ! Пріймите руку моей дочери“. И только! Потомъ встала и быстро ушла, сказавъ тихо дочери: „твоя свадьба—мой гробъ“. Послѣ этого она скоро умерла. Наталья Ивановна и Василій Ивановичъ были счастливы всю

жизнь и, несмотря на разореніе отъ карточной игры, ихъ семейная жизнь, исполненная любви и согласія, считалась образцовою.

Проживъ нѣкоторое время въ Берновѣ, мы поѣхали въ Лубны, гдѣ батюшка строилъ второй домъ на чрезвычайно живописномъ мѣстѣ, на окраинѣ горы, спускавшейся террасами къ р. Сулѣ, среди берестовыхъ, липовыхъ и дубовыхъ рощъ, красиво группировавшихся на сосѣднихъ холмахъ и террасахъ надъ картинными оврагами. За рѣкою раскидывался обширный видъ верстъ на 25-ть съ деревнями, хуторами и пр. Этимъ видомъ любовался князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, говорившій, что не видалъ ничего лучшаго въ Швейцаріи. Князь Куракинъ бывалъ у насъ въ этомъ второмъ домѣ отца и держалъ меня на рукахъ, когда докторъ его прививалъ мнѣ оспу. Я, разумѣется, плакала, и онъ, утѣшая меня, говорилъ: „это бѣлошка кусаетъ“. Это былъ настоящій магнатъ, съ величавою осанкою и самою граціозною ласковостію въ обхожденіи. Все лицо его сіяло добротою и умомъ. Онъ былъ очень образованъ и любилъ моего отца. Вообще батюшка былъ счастливъ на друзей. Въ числѣ ихъ находились даже такіе знаменитости, какъ князь Викторъ Павловичъ Кочубей и князь Яковъ Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій, въ послѣдствіи нашъ генералъ-губернаторъ. Всѣ они видѣли въ моемъ отцѣ энергичнаго и умнаго дѣятеля.

Когда мы пріѣхали въ Лубны, то второй нашъ домъ былъ не совсемъ конченъ, и меня переносили чрезъ сѣни по балкамъ въ оконченныя комнаты. Первый же построенный батюшкою въ Лубнахъ домъ былъ пожертвованъ имъ подъ богоугодное заведеніе въ первое трехлѣтіе его предводительства въ Лубенскомъ уѣздѣ. Въ этомъ уѣздѣ онъ былъ выше всѣхъ головою, и его уважали всѣ. Прежде онъ служилъ при Штакельбергѣ, во время посольства его въ Швецію и подъ вліяніемъ его читалъ много и развился. Онъ своимъ умомъ и образованіемъ обаятельно дѣйствовалъ на простодушныхъ Лубенцовъ и снискалъ ихъ любовь. Тогдашняя просвѣщенная молодежь, хотя знала менѣе нынѣшней, но знала основательно, и въ ней не было того легкомыслія, схватыванія съ знаній вершковъ, той распушенности, какія рѣжутъ теперь глаза. Тогда руководились нравственными принципами и отличались силою убѣжденій. Въ число научныхъ предметовъ входила тогда и мифологія, и одинъ офицеръ стоявшаго въ Лубнахъ полка, именно Брозинъ, переписалъ на память одну часть *Lettres à Émilie sur la Mithologie* par Démontier, для моей матери, когда она потеряла томъ этого шеститомнаго сочиненія. Подобнымъ образомъ тогдашніе люди знали науки. А главное, по моему, это то, что прежде отношенія между людьми были теплѣе и что люди были великодушнѣе, деликатнѣе и учтивѣе. Нынѣшніе же молодые люди поражаютъ меня безсердечностію, эгоизмомъ самымъ узкимъ и шероховатостію манеръ. Ну да не объ этомъ рѣчь....

Лубны въ то время были наполнены отличными людьми, даже по образованію не слишкомъ запоздалыми. Городничимъ былъ Артюховъ, очень

образованный человѣкъ, не портившій кружка моего батюшки. Старый аптекарь казенной аптечки, дряхлый Гильдебрандтъ, очень добрый, почтенный Нѣмецъ и его радушная и отличная хозяйка, жили открыто, были очень гостепріимны, и гости наполняли ихъ домъ съ утра до вечера. Столъ ихъ былъ такой лакомый и изобильный, какой теперь трудно встрѣтить. Такъ было и у дочерей ихъ, изъ которыхъ одна была замужемъ за Кулябкою, другая за Новицкимъ, а третья за Пинкорнелли, бывшимъ въ послѣдствіи городничимъ въ Лубнахъ. У этой послѣдней обѣды доходили до изумительной роскоши. Во всѣхъ этихъ семействахъ чистота въ домахъ была безукоризненная. Пинкорнелли не ѣлъ никакихъ другихъ птицъ и животныхъ, какъ только бѣлыхъ. Кулябки были образцовые супруги, и хотя жена была лютеранка, а мужъ православный, но она ѣздили съ нимъ въ заутрени даже въ трескучіе морозы, и соблюдала посты. При этомъ говорила: „Мнѣ не можно не ѣхать къ заутрени, милочка-душечка, когда мой Ник. Ив. ѣдетъ!.. А потомъ мы вмѣстѣ кофе пьемъ... такъ пріятно!..“ Кофе подавался имъ въ разныхъ кофейникахъ, на томъ основаніи, что первая чашка изъ кофейника лучше второй, и было бы обидно тому изъ нихъ, кому досталась бы вторая чашка. Ихъ завтраки отличались обиліемъ и чопорностію. Все было симметрично, фигурно уложено, а на графинахъ съ многообразными водками красовались изысканно вырѣзанные ярлыки изъ бумаги съ надписями: *кардамонная, юрькая, мятная* и др. Гостямъ приходилось отвѣдывать ихъ хоть по капелькѣ; но пьяныхъ я никогда не видала. Кутежъ не былъ тогда à l'ordre du jour. Случалось, что нѣкоторые лица дѣлались розовѣе на праздникахъ, но и только. Кутежи сильно развились позднѣе, въ концѣ двадцатыхъ годовъ и въ послѣдующее тридцатилѣтіе. Добрѣйшая хозяйка этого уютнаго, теплаго дома была до того чопорна, что закрывала даже шею свою платочкомъ отъ нескромныхъ взглядовъ. Этотъ платочекъ вымытъ былъ однако въ шафранѣ, чтобъ отбѣлялъ бѣлизну лица. Спавши на одной кровати съ мужемъ, она укрывалась отдѣльно отъ него одѣяломъ. Однажды сдѣлалась у нея на ногѣ рана; призвали доктора, и онъ попросилъ позволенія осмотрѣть рану. Долго колебались, согласиться на это или нѣтъ, и наконецъ заставили доктора смотрѣть въ дырочку на простынѣ, протянутой чрезъ всю комнату, за которою сидѣла больная съ ногою тщательно обернутою полотенцами, кромѣ больного мѣста. Любовь ея къ мужу внушила ей одѣть его могилу ползупимъ, густымъ растеніемъ съ мелкими листками и синими цвѣтами, называемымъ въ Малороссіи барвинкомъ. Это было очень красиво и поэтично.

Эти три семейства отличались, кромѣ хлѣбосољства и чистоплотности, такою деликатностію, какой не встрѣтишь теперь. Поэтому-то и просвѣщеннымъ болѣе ихъ людямъ пріятно и привольно жилось среди этихъ добряковъ. Одна женщина изъ такой семьи не дѣлала замѣчаній мужу, изъ деликатности, даже тогда, когда онъ смѣлыми оборотами доводилъ имѣніе до разоренія, хотя имѣніе принадлежало ей. Подобныхъ этимъ было много и въ городѣ, и въ уѣздѣ.

Изъ жившихъ въ уѣздѣ самыми близкими намъ были Алексѣевы. Они жили очень роскошно, въ большомъ домѣ, наполненномъ шутами, приживалками; былъ даже сумасшедшій. Этотъ послѣдній бывалъ съ ними лѣтомъ у насъ. Онъ меня занималъ, и я, встрѣтивъ его однажды на горкѣ передъ балкономъ нашего дома, предложила ему идти внизъ по горѣ въ гости, къ знакомымъ нашимъ, всегда меня лакомившимъ. Мнѣ было тогда шесть лѣтъ. Мы пошли. Надо было перейти по узкому карнизу подъ горою, надъ огромнымъ обрывомъ и потомъ идти по гребню, имѣя съ двухъ сторонъ пропасти. Подойдя къ этому мѣсту, я остановилась, а сумасшедшій взялъ меня на руки и перенесъ по опасной тропинкѣ, и мы благополучно достигли до домика знакомыхъ, красиво пріютившагося подъ горою въ тѣни липъ. Алексѣевы лѣчили у доктора Голованова, женившагося потомъ на нашей родственницѣ, проживавшей въ нашемъ домѣ. Головановъ былъ высоко-нравственный, образованный и строго добрый человѣкъ. Кромѣ медицины онъ занимался съ энергіею садоводствомъ и садъ свой довѣлъ до совершенства. Въ немъ произрастали плоды южной Франціи. А что у него были за цвѣты! Онъ былъ подтвержденіемъ мысли, вычитанной мною гдѣ-то, что кто любитъ цвѣты, тотъ непременно добръ и чистъ душою. Этотъ превосходный человѣкъ былъ замѣчательно разумнымъ и талантливымъ медикомъ. Его искусство въ соединеніи съ чуднымъ, здоровымъ климатомъ привлекало въ Лубны больныхъ изъ далекихъ мѣстъ, и городъ былъ полонъ пріѣзжими.

Получивъ отъ помянутыхъ знакомыхъ много конфетъ, я съ своимъ сумасшедшимъ возвратилась домой тѣмъ же путемъ. Мать моя, узнавъ о моей прогулкѣ, пришла въ ужасъ и засадила меня въ темную комнату. Облинаясь тамъ горькими слезами, я сомнѣвалась, чтобы со мною поступили справедливо. Мнѣ казалось, что скорѣе слѣдовало бдительнѣе присматривать за мною, нежели наказывать. Разумѣется, эти соображенія были тогда очень смутны. Теперь же я замѣчу, что родительское *чувство* прекрасно и священно, а родительская *власть* далеко не всегда благотворна. Часто она направляетъ воспитаніе дѣтей не по ихъ способностямъ и наклонностямъ, а по личнымъ соображеніямъ, устроиваетъ карьеру ихъ, не спросивъ съ ихъ влеченіями и желаніями, и бросаетъ ихъ въ бракъ согласно собственнымъ вкусамъ и выгодамъ, не сообразуясь иногда совсѣмъ съ чувствомъ дѣтей, и въ концѣ концовъ выходитъ несчастье.

Не могу умолчать о двухъ еще семействахъ: объ аптекаряхъ казенной и вольной аптеки, Виндингъ и Делъ. Первый былъ женатъ на очень умной Швейцаркѣ, занимавшейся воспитаніемъ дѣвочекъ, и всего себя посвящалъ на работу въ ботаническомъ саду; а второй съ добрѣйшею своею женою сдѣлали свой домъ пріятнѣйшимъ въ городѣ, а аптеку лучшею въ губерніи. Лубенцы той эпохи такъ были гостепріимны, что для удовольствія другихъ не щадили своего покоя. Такъ однажды батюшка мой имѣлъ со всею семьєю и скрипачемъ пріѣхалъ ночью, послѣ ужина, къ старичкамъ Гильдебрандамъ, разбудилъ ихъ и устроилъ танцы. Старички

не только не разсердились, но изъ всѣхъ силъ засуетились, чтобы угощать и казались очень счастливы.

Батюшка мой былъ веселаго нрава, вовсе не чванливъ и принималъ у себя не только купцовъ, но даже мѣщанъ. Въ нашемъ обществѣ являлся часто городской голова Романъ Ѳедоровичъ Жаданъ, умный, честный человекъ, обладавшій безконечнымъ юморомъ, самымъ добродушнымъ остроуміемъ и любезностію. На всѣхъ вечерахъ онъ являлся, пѣлъ съ нами Малороссійскія пѣсни и тѣшилъ насъ мѣстными анекдотами. Въ особенности онъ былъ хорошъ, когда, избравъ для своихъ шутокъ жертву, рассказывалъ ей самымъ наивнымъ образомъ смѣшные про нее же анекдоты. Однажды, когда были выбраны въ Нижній Земскій Судъ чиновники: Рѣва, Горобецъ и Барвинскій, онъ сказалъ экспромтъ:

Рѣва ревнѣ
Горобецъ спорхнѣ,
Барвинокъ завянѣ,
И Суда Нижняго нѣ станѣ *).

Когда генераль-губернаторъ князь Лобановъ-Ростовскій ревизовалъ присутственныя мѣста въ Лубнахъ, то въ числѣ прочихъ чиновниковъ представлялся ему и упомянутый Горобецъ въ чужомъ дворянскомъ мундирѣ, едва налегшемъ на его жирную фигуру. Пылкій, нетерпѣливый князь замѣтилъ красное лицо, вытѣзавшее изъ чужаго, узкаго мундира, и спросилъ: ты чтѣ за птица?.. „Горобецъ, ваше сіятельство“, отвѣчалъ тотъ. Князь такъ разсердился за этотъ отвѣтъ, думая, что онъ данъ на смѣхъ, что выгналъ его изъ своей пріемной. Насилу могли увѣрить князя, что несчастный дѣйствительно носилъ фамилію Горобецъ.

Послѣ ревизіи князь Лобановъ-Ростовскій обѣдалъ у батюшки, бывшаго тогда предводителемъ дворянства, и за столомъ, сравнивая дворянъ Русскихъ съ Малороссійскими, сказалъ, что первые похожи на собакъ, потому что набрасываются, подобно имъ, на того, на кого нападаютъ другіе; а послѣдніе на свиней, защищающихъ обижаемаго собрата. Но на кого бы мои земляки ни походили, а въ дѣтствѣ они мнѣ нравились, и къ нѣкоторымъ изъ нихъ до сихъ поръ во мнѣ таятся теплыя чувства.

Гостинныя тогдашнихъ дворянъ оглашались живымъ, веселымъ говоромъ военныхъ, отличавшихся учтивостію, любезностію и образованіемъ. Въ Лубнахъ стоялъ тогда полкъ *Мемисино*, очень умнаго и добраго Сербъ. Этотъ храбрый генераль говаривалъ: „полытыка, полытыка, а рубаться треба!“ и дѣйствительно рубился въ сраженіяхъ съ такою отчаянною храбростію, что не было преградъ его мужеству. Въ 1813 году, на второй день Дрезденскаго сраженія, онъ бросился въ атаку съ своимъ Лубенскимъ

*) Горобецъ значитъ воробей, барвинокъ — синій цвѣтокъ.

гусарскимъ полкомъ на каре Наполеоновской гвардіи, ворвался въ него, но пронизанный тремя пулями палъ на руки обожавшихъ его солдатъ и умеръ славною смертію среди разбитаго непріятеля. Тѣло его было погребено въ Кульмѣ. Онъ былъ остеръ, щедръ до расточительности, любилъ свою красавицу жену Роксандру Михайловну, рожденную Кантакузену, и былъ любезенъ съ дѣтьми и въ особенности со мною. Разъ одинъ офицеръ, на вечерѣ у насъ, посадилъ меня на колѣни, заставилъ меня читать что-то и очень любезно шутилъ... Я восхитилась имъ и обѣщала выйти за него замужъ. Когда онъ ушелъ, то я сказала матери о своемъ обѣщаніи, а она смѣясь сообщила Мелисино.... Старикъ хотѣлъ узнать, кого я осчастливила своимъ выборомъ; но я не могла назвать своего избраннаго, потому что не знала его фамиліи, и тогда онъ сталъ подводить ко мнѣ, сидѣвшей на комодѣ, всѣхъ офицеровъ полка.... Оказалось, что избранный мой былъ Гурьевъ. Добрая жена этого почтеннаго старика часто катала меня по толкѣ, покрытой чебромъ и доходившей до нашего дома. На окраинѣ этой толоки мы гуляли съ нею по опушкѣ рощъ, и тутъ въ первый разъ я нашла душистый, синій цвѣтокъ тацеты и такъ восхитилась его неувимымъ запахомъ, что до сихъ поръ живо помню это пріятное ощущеніе.

Среди этого общества я жила съ своею доброю семьею до 8-ми лѣтъ, присутствуя и участвуя во всѣхъ его удовольствіяхъ. Не смотря однако на постоянныя веселости, обѣды, балы, мнѣ удавалось удовлетворять своей страсти къ чтенію, развившейся во мнѣ съ пяти лѣтъ. Каждую свободную минуту я употребляла на чтеніе Французскихъ и Русскихъ книгъ изъ бібліотеки моей матери. Тутъ попадались мнѣ по большей части Англійскіе романы. Изъ нихъ нравился мнѣ особенно: *Octavia*, par Anna Maria-Porter, *Félicie et Florestine* и другіе. Многого, разумѣется, я не понимала, но все таки читала. Въ куклы я никогда не играла; но очень была счастлива, если могла участвовать въ домашнихъ занятіяхъ кому-нибудь помогать. Мнѣ кажется большимъ промахомъ со стороны воспитателей, когда они позволяютъ *ирать* дѣтямъ до преещенія и не придумываютъ занимательнаго и полезнаго труда для нихъ. Вѣчно играть скучно! Куклы же, на мой взглядъ, разговоры съ ними и прочее пріучаютъ дѣтей вѣрить въ представленія своего воображенія, какъ въ нѣчто дѣйствительно-существующее и дѣлаютъ ихъ самообольщающими себя мечтателями. Какъ я сказала, книги замѣняли мнѣ игру въ куклы, и я такъ увлеклась ими, что когда была замужемъ и жила въ Петербургѣ, то прочла всю бібліотеку Лури, и онъ подъ конецъ не зналъ что мнѣ давать.

Въ это время состояніе моего отца заключалось въ двухъ деревняхъ подъ Лубнами, въ 700 душъ, и въ домѣ съ землями и крестьянами въ самыхъ Лубнахъ и ихъ окрестностяхъ. 700 душъ съ принадлежали его матери, онъ ими только пользовался. Потомъ онъ пріобрѣлъ за 40,000 асс. 150 душъ съ 1500 десятинъ и, продалъ ихъ *на свозъ*, купилъ скота, сварилъ изъ него бульонъ, которымъ предполагали продовольствовать армію во время войны, повезъ его въ Петербургъ продать въ казну; но не хо-

тѣлѣ подмазать, и бульона не приняли. Тогда онъ съезъ его въ Москву. Пришелъ Наполеонъ и съѣлъ бульонъ. Подобными аферами полна его жизнь. Такъ на примѣръ онъ, получа даромъ землю въ Кіевѣ, вздумалъ построить, не имѣя ни гроша денегъ, огромный домъ для помѣщенія всѣхъ лучшихъ магазиновъ, на манеръ Палерояли. Нанималъ рабочихъ, построилъ для нихъ въ долгъ баракъ и сталъ ѣздить къ магазинщикамъ и убѣждать ихъ заплатить ему впередъ, за проектированныя для нихъ квартиры, годовую плату, съ тѣмъ что онъ устроитъ имъ помѣщенія въ ихъ вкусъ. Разумѣется никто не согласился, и затѣя вся кончилась пропесомъ съ рабочими и строителями барака для нихъ. Всѣхъ его аферъ мнѣ и не перечести. Очень занималъ меня одинъ его проэктъ. Это пушка въ бочкѣ, которую везла легко одна лошадь. Этимъ проэктомъ онъ очень насмѣшилъ военныхъ, которымъ поручено было произвести пробу. Отъ перваго выстрѣла бочка разлетѣлась. Упоминаю объ этомъ проэктѣ и аферахъ для того, чтобы показать, какимъ путемъ мы постепенно шли къ разоренію, не смотря на частую помощь матери его Агаѳоклеи Александровны.

Это была замѣчательная въ свое время женщина! Она происходила изъ фамиліи Шишковыхъ, вышла замужъ очень рано, когда еще играла въ куклы, за Марка Ѳедоровича Полторацкаго, очень красиваго и добраго человѣка, прекрасное лицо котораго теперь смотритъ на меня съ портрета Боровиковскаго. Когда къ нимъ въ домъ пріѣхалъ Маркъ Ѳедоровичъ, то няня Агаѳоклеи Александровны вошла къ ней и сказала: Ѳеклушка, поди— женихъ пріѣхалъ!

Вскорѣ послѣ этого была и свадьба. Разумѣется о любви и помину не было, и бракъ совершился на основаніи соображеній родителей. Подобные браки по расчету меня всегда возмущали. Мнѣ казалось, что, при устройствѣ подобныхъ браковъ, составляетъ преступная продажа человѣка, что попирается его достоинство, что онъ третируется какъ вещь и что такой бракъ есть развратъ и основа для самого оскорбительнаго и томительнаго несчастія. Ну да что толковать! Объ этомъ писано много. А много-ли послѣдователей? Отъ упомянутаго брака явилось на свѣтъ 22 человѣка. Всѣ они были хорошо воспитаны, способны на великодушныя увлеченія, всѣ были привѣтливы, любезны, очень мѣтко, хотя подъ часъ и зло шутили и для краснаго словца не щадили никого и ничего. Не смотря однако же на многія свои достоинства, они не были высокаго другъ о другъ мнѣнія и вѣрили всѣмъ клеветамъ про своихъ близкихъ. Ума было много, а чувства мало. При томъ они больше склонялись къ враждебнымъ чувствамъ, нежели къ дружелюбію, и сарказмы были ихъ утѣхою. Лучшій изъ нихъ и богатѣйшій по женѣ былъ Дмитрій Марковичъ: онъ былъ безконечно добръ. Впрочемъ доброта была общемою чертою всѣхъ, также какъ вспыльчивость, расточительность и любовь къ аферамъ, но можно сказать, что умышленно они не сдѣлали никому зла. Отецъ мой былъ одинъ изъ младшихъ и менѣе другихъ любимый своею матерью. Она была красавица и хотя не умѣла ни читать, ни писать, но была такъ умна и распоряди-

тельна, что, владѣя 4000 душъ, многими винокуренными и другими заводами и откупами, вела всѣ свои дѣла сама, безъ управляющаго, чрезъ старостъ, которыхъ назначала изъ одной деревни въ другую отдаленную, гдѣ не было у нихъ родни и часто ихъ переводила съ мѣста на мѣсто и мѣняла. При этомъ тотъ часъ обнаруживалось, честно-ли вели себя старосты, и бѣда была тому, кто ее обманывалъ. Она была очень строга и даже жестока. Жила она въ Тверской губ., въ с. Грузинахъ, въ великолѣпномъ замкѣ, построенномъ Растрелли. Онъ стоялъ на возвышеніи, передъ нимъ растилась лужайка, за нею рѣка съ островками, а за нею рядъ каменныхъ избъ, печально глядѣвшихъ на господскій домъ. Она всю зиму лежала въ постелѣ и изъ подушекъ управляла своими дѣлами; все же лѣто проводила въ полѣ, присматривая за работами. Изъ алькова своей прекрасной спальни съ модельною, обитой зеленымъ сукномъ, она перенесла свое ложе въ большую гостинную, отдѣланную розовымъ мраморомъ, чтобы просторнѣе было и удобнѣе принимать дѣловыхъ людей, старостъ и гостей, и въ этой ея резиденціи я впервыя увидала ее. Она меня чрезвычайно любила, угощала изъ своей бонбоньерки леденцами и безпрестанно заставляла меня болтать. Ее это занимало. Въ этой комнатѣ было двѣ картинки: Спаситель во весь ростъ и Екатерина II-я. Про первую картину она говорила: „Это мой другъ“; а вторую такъ любила, что послѣ ея смерти купила всѣ ея рубахи и другихъ уже не носила. Замѣтивъ, что я всегда плакала, когда выдавали за мужъ горничныхъ, она дразнила меня тѣмъ, что обѣщала выйти за мужъ за одного изъ старостъ. При ней жило много приживалокъ, и она любила забавляться ихъ каляканьемъ, сплетнями и ссорами. Это замѣняло ей чтеніе. У нея бывали по преимуществу только по дѣламъ. Сосѣди рѣдко заглядывали въ ея золотомъ и мраморомъ отдѣланные апартаменты. Да и заманки мало было. Кормила она дурно, обращалась непривѣтливо. Она обѣдала всегда особо, сидя на постели предъ небольшимъ столомъ, и ей подавали въ особыхъ сосудахъ изысканныя блюда, а всѣмъ другимъ что-то такое невкусное, что меня разъ стошнило послѣ супа... Впрочемъ она иногда позволяла мнѣ лизнуть изъ своихъ горшочковъ. Всѣ тѣ, которые пріѣзжали къ бабушкѣ привозили съ собою и скуку, спутницу праздности, которою одержимы были тогда помѣшники. Трудъ они считали униженіемъ и далеки были еще отъ сознанія, что онъ обусловливаетъ, осмысляетъ жизнь, что въ немъ заключается нѣкоторое удовлетвореніе для человека. Книгъ они не читали, а если читали, то ничего не вычитывали. Да и теперь-то немногіе слѣдуютъ тому разумному и нравственному, что таится въ нѣкоторыхъ книгахъ, и книги мало улучшаютъ и развиваютъ, хотя это ихъ прямое назначеніе. Такъ будемъ же снисходительны къ старинѣ и займемся еще немного бабушкою. Она съ батюшкою мопмъ была холодна, съ матерью ласкова, а со мною до того нѣжна, что безпрестанно давала мнѣ горстями скомканныя ассигнаціи. Этими подарками я нѣсколько возмущалась: какъ будто я была нищая! Всѣ ихъ я относилъ къ матери. Разъ бабушка спросила у меня, чего я хочу: куклу, или

деревню? Изъ гордости я предпочла куклу. Она, разумѣется, дала бы мнѣ и деревню; но едва ли бы она осталась у меня: ее точно также взяли бы у меня, какъ и все что я когда-нибудь имѣла! Такъ напримѣръ, отдавая меня за мужъ, дали двѣ деревни изъ приданнаго матери, и не прошло и года, взяли ихъ заложить, для воспитанія будто-бы сестеръ моихъ и брата, и употребили занятую сумму на заведеніе въ Лубнахъ экипажной, суконной и горчичной фабрикъ. Эти фабрики лишили меня имѣнія и прибавили отцу долговъ. Чтобы вознаградить меня и обезпечить другихъ дѣтей, было завѣщано бабушкою намъ 120 душъ и 50,000 рублей и дана наслѣдниками движимость Грузинъ и 60 душъ. Все это предполагалось раздѣлить между мною, двумя моими сестрами и братомъ; но батюшка выпросилъ все это у насъ и употребилъ на уплату части цѣны за покупавшіяся имъ тогда имѣнія княгини Юсуповой. Этого всего было мало, и покупка не состоялась. Къ этой жертвѣ побудилъ меня братъ, писавшій, что если я не дамъ своей части изъ означенныхъ денегъ и имѣнія, то все они будутъ безъ куска хлѣба. Я сочла обязанною исполнить эту просьбу и думала, что въ ней подразумѣвается и обязательство позаботиться и о моей участи въ случаѣ надобности. Братъ, пользуясь тѣмъ, что означенными деньгами была уплачена большая часть цѣны одного изъ имѣній княгини Юсуповой, доплатилъ ей, при помощи займа и удачныхъ оборотовъ, сколько еще причиталось за него, и сталъ обезпеченнымъ человѣкомъ. Ну да Богъ съ нимъ! Кто не испытывалъ непріятностей отъ родни? Я дивлюсь только, какъ дорожатъ еще родственными отношеніями, когда они основаны не на свободномъ выборѣ сердца, а на измышленномъ какомъ-то долгѣ и когда въ роднѣ тѣмъ зародышей для ссоръ, различныхъ стѣсненій и непріятностей.

Займусь опять бабушкою. Когда она бывала недовольна кѣмъ-нибудь изъ дѣтей, то такъ забывалась во гнѣвѣ, что называла Пугачевымъ, разными другими оскорбительными названіями и часто даже проклинала. Батюшка мой чаще другихъ подвергался ругательствамъ и проклятіямъ за свои промахи въ дѣлахъ. Когда онъ сварилъ въ бульонѣ 150 душъ, то она отняла у него имѣніе въ 700 душъ, изъ которыхъ часть была возвращена по просьбѣ князя Лобанова, и когда мы вскорѣ пріѣхали къ ней изъ Бернова вечеромъ и вошли въ ея комнату, въ то время какъ ее чесали, то она вскочила съ постели въ страшномъ гнѣвѣ, и сѣдые ея волосы стали дыбомъ. Она неистово закричала на отца: вонъ! и изрекла бездну проклятій. Отецъ повернулся, чтобы уйдти и приглашалъ мать со мною послѣдовать за нимъ; но бабушка удержала насъ и любезно проговорила съ нами цѣлый вечеръ. Отецъ въ это время сидѣлъ у камердинера ея, очень добраго и почтеннаго старика. На другой день въ Воскресеніе, она весь свой дворъ услала въ церковь, а сама осталась дома. Мать моя вмѣстѣ со мною пришла къ ней пожелать добраго утра. Вскорѣ она послала за отцемъ и когда онъ вошелъ и поцѣловалъ ей руку, она сказала: Слышалъ-ли ты, какія нонче браки бываютъ? *Ф. П. Львовъ* женился на своей двоюродной сестрѣ,

имѣя 10-ть человѣкъ дѣтей отъ первой жены! Въ этомъ духѣ продолжался разговоръ, а о ссорѣ ни полслова. Эта ссора однакоже такъ потрясла меня, что я заболѣла. Въ домѣ у нея никто не смѣлъ лечиться ни у кого, кромѣ у проживавшаго у нея грубаго, невѣжественнаго Венгерца, къ медицинскимъ познаніямъ котораго она питала полное довѣріе. Лукаваго шарлатана привели и ко мнѣ; но я расплакалась, и онъ исчезъ. Деспотизмъ въ особенности тяжелъ былъ для ея дочерей; но они однако всѣ вышли замужъ по выбору сердца, а не по ея выбору. Каждая изъ нихъ показывала видъ, что не только холодна къ избраннику своей души, но что, если выйдетъ за него замужъ, то сдѣластъ это только въ угодность матери, не надѣясь на личное счастье. Съ ней и во многихъ другихъ случаяхъ хитрили, лицемерили и этимъ путемъ добивались желаемаго. Деспотизмъ всегда побуждаетъ къ лжи и развращаетъ людей, испытывающихъ его гнетъ. Бабушка моя была не дюжинная особа!

Про мужа ея мало было слышно. Говорили, что онъ происходилъ изъ дворянъ Черниговской губерніи; что отецъ его, Федоръ Полторацкій, вслѣдствіе указовъ Петра I-го, требовавшихъ, чтобы дворяне непремѣнно служили, укрылся подъ значную сѣнь духовнаго званія и былъ священникомъ въ Сосницѣ; что сынъ его Марко Федоровичъ учился въ Кіевской бурѣ, пѣлъ въ церкви на клиросѣ, былъ взятъ оттуда Разумовскимъ, восхитившимся его голосомъ, опредѣленъ имъ въ придворную капеллу, сдѣлался впослѣдствіи придворнымъ императрицы Елисаветы и, пользуясь ея милостями и щедротами, доставилъ состояніе своимъ братьямъ. Его личность стусhevывалась энергическою личностію жены.

Противоположностію ей во всемъ могла служить другая моя бабушка, родная тетка моей матери, дѣвица Любовь Федоровна Муравьева. Она съ самаго замужества моей матери жила съ нами. Она была, когда я ее узнала, необыкновенно симпатичная, милая, любезная старушка, съ поэтическимъ оттѣнкомъ въ мысляхъ и чувствахъ. Въ молодости она была красавица и внушала вдохновеніе поэтамъ. Богдановичъ поднесъ ей свою Душеньку. Да она и сама была душенька. Я не помню горькой минуты въ своей жизни, которою бы я была ей обязана, и въ глубинѣ сердца таю о ней самыя свѣтлыя воспоминанія. Никогда она не бранила меня, никогда не наказывала. Я знала только ея ласки и самыя дружескія наставленія. Когда я выросла, то сознавалась ей во всемъ, во всякой неосторожности, всегда въ нуждѣ прибѣгала къ ней за совѣтомъ и получала его съ нѣжною готовностію помочь мнѣ во всякомъ затрудненіи. Другіе же, проживавшіе въ нашемъ домѣ, или подвигали меня подъ наказаніе, или сами умничали надо мною и тѣмъ самымъ рѣзко оттѣняли въ глазахъ моихъ чудную, любящую личность моей милой бабушки, и я любила ее съ страстною нѣжностію. Продавъ свое имѣніе за 8000 р. ас., она отдала ихъ моему отцу съ тѣмъ, чтобы онъ содержалъ ее и ея горничную, бывшую ея неизмѣннымъ другомъ. Когда я выходила замужъ, то она потребовала, чтобы изъ денегъ было употреблено

1000 на покупку мнѣ фермуара. Во всѣхъ случаяхъ въ жизни она являлась доброю, исполненною ума, сдержанности и ласки и всегда была моимъ другомъ и защитникомъ. Шестидесяти лѣтъ у нея образовались катаракты (что и мнѣ бѣдной угрожаетъ) и хотя сдѣлана была операція, но неудачно, и она ослѣпла. Черезъ нѣсколько лѣтъ она умерла на моихъ рукахъ. Но я все забѣгаю впередъ, и вотъ опять заболталась и забыла, что описываю свое дѣтство. Въ 1808 году мать моя лишилась третьей своей дочери, необыкновенно красиваго ребенка, была неутѣшна, и батюшка, чтобы разсѣять ее, отпраздновалъ со мною и съ бабушкою Любовью Федоровною къ чудному моему дѣдушкѣ Ивану Петровичу, въ милое Берново. Господскій домъ въ Берновѣ стоялъ на возвышеніи, задомъ къ большому саду; впереди его былъ большой дворъ, окруженный каменною оградой; потомъ площадь, охваченная съ обѣихъ сторонъ крестьянскими избами, и въ срединѣ ея, противъ дома, каменная церковь.

Черезъ нѣкоторое время послѣ нашего пріѣзда въ Берново пріѣхала туда изъ Тригорскаго Прасковья Александровна и мужъ ея Николай Ивановичъ Вульфъ съ дочерью Анною Николаевною, моею сверстницею. Былъ вечеръ. Въ концѣ большой залы тускло горѣла сальная свѣча. Они сѣли на стульяхъ у огромной клѣтки съ канарейками, подозревали къ себѣ меня и свою дочь съ ридикюлемъ и представили насъ другъ другу, говоря, что мы должны любить одна другую, какъ родныя сестры, что мы исполняли свято. Мы обнялись и тотъ часъ заговорили, не о куклахъ, о нѣтъ! Мы обѣ не любили куколъ. Она описывала красоты Тригорскаго, а я прелести Лубенъ и нашего въ нихъ дома. Во время этой бесѣды она вынула изъ ридикюля нѣсколько жолудей и подарила мнѣ. Да простятъ мнѣ, если я увлекаюсь слишкомъ мелкими подробностями этой дорогой для меня и лучшей поры моей жизни. Анна Николаевна не была такъ рѣзва, какъ я; она была серьезнѣе, расчетливѣе и гораздо меня прилежнѣе. Такія свойства дѣлали ея любимцею тетусекъ и въ послѣдствіи гувернантки. Различіе нашихъ свойствъ не дѣлало насъ однако холоднѣе другъ къ другу, мы любили одна другую искренно; но я была горячѣе, даже великодушнѣе въ нашихъ дружескихъ изліяніяхъ и отношеніяхъ. Взаимная довѣренность между нами была полная, безъ заднихъ мыслей. Насъ и вели совершенно равно, и мнѣ покупали то, что и ей, и на оборотъ. Въ особенности строго наблюдалъ это братъ моей матери Николай Ивановичъ, превосходное существо съ рыцарскимъ настроеніемъ и съ любовью ко всему изящному. Онъ поручилъ старшему брату своему Петру Ивановичу, служившему кавалеромъ при великихъ князьяхъ Николаѣ и Михаилѣ Павловичахъ, отыскать для насъ гувернантку. Случилось такъ, что въ это самое время выписали для великой княжны Анны Павловны изъ Англіи двухъ гувернантокъ: m-lle Sybourg и m-lle Bénoît. Эта послѣдняя назначалась къ великой княжнѣ, но по своимъ скромнымъ вкусамъ и желанію отдохнуть послѣ труженической спосѣй жизни въ Лондонѣ (гдѣ она занималась воспитаніемъ въ домахъ двухъ лордовъ, по 10-ти лѣтъ въ каждомъ),

она не рѣшилась принять предложенія двора и уступила мѣсто при великой княжѣ пріятельницѣ своей Sybourg, а сама пріѣхала въ Берново, въ концѣ 1808 года.

Родители мои и Анны Николаевны тотчасъ же поручили насъ въ полное ея распоряженіе. Никто не смѣлъ мѣшаться въ ея дѣло, дѣлать какія-либо замѣчанія, нарушать покой ея учебныхъ занятій съ нами и тревожить ее въ мирномъ пріютѣ, въ которомъ мы учились. Насъ помѣстили въ комнатѣ смежной съ ея спальнею, но когда которая нибудь изъ насъ заболѣвала, то ее брали во флигель, гдѣ жили наши родители. При такихъ обстоятельствахъ мы писали другъ другу, и Анна Николаевна восхищалась моими записками и долго ихъ хранила. Въ зрѣломъ возрастѣ мы постоянно были въ перепискѣ до самой ея смерти. Тутъ скажу мимоходомъ, что я съ дѣтства вела дневникъ, и у меня много его накопилось было, но потомъ онъ, по распоряженію свыше, пошелъ на завертываніе горчицы на фабрикѣ! M-lle Bénoît была очень серьезная, сдержанная дѣвица 47 лѣтъ, съ очень пріятною, умною и доброю наружностію. Одѣта она была всегда въ бѣлое и такъ любила этотъ цвѣтъ, что въ восторгъ пришла отъ бѣлаго заячьего мѣха и сдѣлала на немъ салопъ изъ дорогой шелковой матеріи. У нея зябли ноги, и она держала ихъ всегда на мѣшечкѣ съ горячими косточками изъ чернослива. Она сама одѣвалась и сама убирала комнату. Когда же въ ней все было готово, то растворяла двери и приглашала насъ къ себѣ завтракать. Намъ подавали кофе, чай, яйца, хлѣбъ съ масломъ и медъ. За обѣдомъ она всегда пила рюмку бѣлаго вина послѣ супа и такую же послѣ обѣда и любила очень черный хлѣбъ. Послѣ завтрака мы гуляли по парку и саду, несмотря ни на какую погоду; потомъ садились за уроки. Всѣ предметы мы учили, разумѣется, пофранцузски и Русскому языку учились только 6 недѣль во время ваканцій, на которыхъ пріѣзжалъ изъ Москвы студентъ Марчинскій. M-lle Bénoît такъ умѣла пріохотить насъ къ ученью, разнообразіями занятій, терпѣливымъ и яснымъ толкованіемъ, безъ возвышенія даже голоса, кроткимъ и ровнымъ обращеніемъ и безукоризненною справедливостію, что мы занимались, нисколько не тяготясь, цѣлый день, за исключеніемъ времени прогулокъ и часовъ обѣда, завтрака и ужина. Мы любили наши уроки и занятія (въ родѣ вязаній и шитья) подлѣ m-lle Bénoît, потому что любили и уважали ее и благоговѣли предъ ея властью надъ нами, исключавшею всегда другую волю. Намъ никто не смѣлъ слова сказать! Она заботилась и о нашемъ туалетѣ, отростила намъ волосы, обвязала головы коричневыми бархотками, схожими съ моими глазами. Она принимала живѣйшее участіе во всемъ казавшемся намъ и нашихъ семействъ, сочувствовала всѣмъ страдавшимъ и была такъ сердобольна, что сама промывала и перевязывала раны на ногахъ у моего больного дяди, не смотря на свою чопорность, брезгливость и прудство. Въ сумеркахъ она заставляла насъ ложиться на полъ, чтобы выправлять спины, или приказывала ходить по комнатѣ и кланяться на ходу, скользя, или ложилась на кровать и учила

насъ, стоявшихъ у кровати, пѣть Французскіе романсы. Разсказывала про своихъ ученицъ въ Лондонѣ, про Вильгельма-Теля и Швейцарію. У насъ была маленькая дѣтская библіотека съ m-me Genlis, Ducray-Duménil и другими тогдашними писателями, и мы въ свободные часы но праздникамъ и Воскресеньямъ читали съ жадностію. Любимыми нашими сочиненіями были: *Les veillées du château* и *Les soirées de la chaumière*. Встрѣчая въ читанномъ скабрѣзныя мѣста, мы оставались къ нимъ безучастны, такъ какъ эти мѣста были намъ непонятны. Мы воспринимали изъ книгъ только то, что понятно сердцу, что окрыляло воображеніе, что согласно было съ нашею душевною чистотою, соответствовало нашей мечтательности и создавало въ нашей игривой фантазіи поэтическіе образы и представленія. Грязное отскакивало отъ нашихъ душъ. Онѣ всасывали въ себя только свѣтлую, непорочную поэзію. Въ наши уютныя комнаты пускались только тѣ, которые или сами изъявляли желаніе заниматься вмѣстѣ съ нами, или способствовали какимъ-либо образомъ нашимъ занятіямъ. Такъ пускалась къ намъ Прасковья Александровна, какъ желавшая учиться съ нами Англинскому языку, и Екатерина Ивановна Муравьева, фрейлина великой княгини Екатерины Павловны, читавшая намъ романы Ducray-Duménil. Эта послѣдняя была совершенная красавица, съ темными каштановыми волосами и необыкновенно пріятными, добрыми карими глазами. Когда она входила, дѣлалось какъ будто свѣтлѣе и радостнѣе. Говорили, что императоръ Александръ I-й восхищался ею и былъ даже влюбленъ. Ей было тогда 17 лѣтъ, и она всѣхъ очаровывала. Я нѣжно ее любила и пользовалась ея вниманіемъ, ласками и нѣжностію. Она находила удовольствіе бесѣдовать со мною, и это меня очень радовало. Она была необыкновенно добрымъ существомъ!

Въ Берново ѣздило много сосѣдей, и насъ иногда вывозили къ нимъ; но m-me Vépôt не нравились выѣзды, и мы по большей части сидѣли дома. Въ залѣ нашего дома являлись на Рождество ряженые изъ дворовыхъ и тѣшили насъ шутовскими костюмами и комическими представленіями. Въ другіе праздники зимою плясали и пѣли въ ней Цыгане изъ табора, кочевавшаго на землѣ дѣдушки. Цыганки учили насъ Русской пляскѣ. Этой же пляскѣ, только съ театральнымъ оттѣнкомъ, училъ насъ любезный и добрый дядя нашъ, морякъ Николай Александровичъ Муравьевъ. Онъ также какъ и мы любилъ Цыганъ. Мы же ихъ встрѣчали каждую зиму, какъ самыхъ дорогихъ гостей, и многіе изъ Цыганокъ были нашими пріятельницами. Въ этой же залѣ дѣлались сговоры дворовыхъ дѣвушекъ. Онѣ сходились толпою и становились во всю длину залы съ одной стороны, а съ другой стояли священникъ, сваты и женихъ. За дѣвушками въ углу сидѣла неvěста и плакала. Потомъ совершалось рукобитіе сватовъ, и священникъ обручалъ жениха и неvěсту съ молитвою. Изъ залы всѣ отправлялись гурьбой въ назначенную и убранную избу, куда и мы всѣ пріѣзжали. Насъ угощали орѣхами и пряниками. На другой день неvěсту водили въ баню, и была опять вечеринка въ той же избѣ, и мы опять на

ней присутствовали; всякій изъ присутствующихъ чесалъ у невесты косу и клалъ ей на колѣни деньги, а она плакала подъ свадебныя пѣсни. Послѣ угощенія мы уѣзжали домой. Послѣ вѣнца приходили молодые на поклонъ къ дѣдушкѣ съ пряникомъ и полотенцами. Дѣдушка дарилъ намъ принесенное, а молодыхъ награждалъ деньгами. Торжество этихъ обрядовъ меня очень занимало; но мнѣ было всегда грустно смотрѣть на дѣвушку, выходящую изъ нашей дѣвичьей за бородача-мужика. Браки эти совершались безъ всякаго приневоливанья, но съ общаго согласія жениха и невесты. Этого я думаю не дѣлалось нигдѣ. Вотъ такими-то развлеченіями перемежались изрѣдка наши занятія, да и то только зимою. Въ эту пору года пріѣзжали по временамъ и родные. Изъ нихъ мнѣ памятно посѣщеніе Екатерины Ѳедоровны Муравьевой съ двумя сыновьями, Никитой и Александромъ. Послѣдній былъ мнѣ ровесникъ, намъ было по 10-ти лѣтъ. Они съ нами рѣзвились, дурачились и обращались такъ безцеремонно, что мы обижались и не очень жаловали ихъ за это: они смѣли фамиллярничать съ особами, которыя считали себя достойными только принцевъ и мечтали выйти замужъ за Нуму-Помпилія или Телемака, или за подобнаго имъ героя! Такой дерзости мы не могли переварить. На этихъ веселыхъ шалуновъ вліяла однако ихъ добрая, заботливая мать, и я помню даже, много лѣтъ спустя, что одного изъ нихъ и, именно Александра, она, когда было ему уже 19-ти лѣтъ, отправила съ бала Олениныхъ, на которомъ и я была, домой спать, когда пробило 10 часовъ. Это былъ тотъ, которому пришлось испить горькую чашу. Братъ же его Никита, не смотря на вліяніе матери, бѣжалъ было въ 1812-мъ году изъ-подъ ея ферулы къ войску подъ Москву, желая, въ пылу патріотизма, вступить въ ряды защитниковъ отечества, но былъ задержанъ крестьянами, заподозрѣвшими въ немъ Француза, такъ какъ онъ, выросши на Англійскомъ языкѣ, плохо говорилъ порусски и вдобавокъ хотѣлъ размѣнять въ деревнѣ червонецъ. Крестьяне отвели его къ Ростопчину, а тотъ возвратилъ его къ страшно встревоженной матери. Но я опять увлеклась и заболталась...

Въ милomъ моемъ Берновѣ я прожила, воспитываясь у m-lle Bénoît, до 12-ти лѣтъ. Послѣдній годъ мы жили уже безъ бабушки Анны Ѳедоровны, умершей въ концѣ 1810-го года. Когда она умирала, то меня, чтобы я не была свидѣтельницею похоронъ и трагическихъ сценъ, увозили въ Грузины. Послѣ же ея кончины батюшка задумалъ перевезти насъ съ маменькою, тетущею Анною Ивановною и бабушкою Любовью Ѳедоровною въ Москву, для окончанія тамъ моего воспитанія; но предварительно перевезъ насъ лѣтомъ въ маменькину деревню изъ какихъ-то хозяйственныхъ соображеній, и мы тамъ жили въ двухъ крестьянскихъ избахъ безъ всякаго комфорта. M-lle Bénoît со слезами просила батюшку оставить меня у нея, бралась учить даромъ, но онъ не измѣнилъ рѣшенія. Только что мы собирались пуститься изъ деревни въ Москву, какъ явился Наполеонъ, и планъ батюшки измѣнился. Мы поѣхали въ Лубны. Стараясь избѣжать Французовъ и объѣхать подальше Москву, мы исколесили 12

губерній. Путешествіе мы совершали въ 10-ти экипажахъ (почти всѣ были открытые), на своихъ лошадяхъ, и останавливались, ради дешевизны корма, не въ городахъ, а по деревнямъ. Терпѣли много неудобствъ; но кто тогда не терпѣлъ ихъ? Позднѣе, когда наступили осенніе холода, мы сильно терпѣли отъ холода, такъ какъ у насъ не было теплой одежды. Все наше имущество было отправлено въ Москву тогда еще, когда батюшка только что задумалъ переселеніе въ нее, и погубило тамъ вмѣстѣ съ его бульономъ. Проездивши довольно долго, мы остановились въ деревнѣ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Владимира. Батюшка поѣхалъ въ городъ и тамъ нашелъ въ большомъ какомъ-то домѣ много родныхъ и знакомыхъ, бѣжавшихъ изъ Москвы. Мы тотчасъ же были перевезены изъ деревни и присоединились къ шумному обществу. Тамъ была Екатерина Федоровна Муравьева съ сыновьями, изъ которыхъ Никита только что возвращенъ былъ ей изъ бѣговъ и безпрестанно спорилъ о чемъ-то въ большомъ одушевленіи съ аббатомъ, воспитателемъ Ипполита Муравьева, убитаго въ 1825-мъ году въ схваткѣ, во время которой былъ арестованъ братъ его Сергѣй. Во время этихъ споровъ онъ безпрестанно отгонялъ Ипполита, какъ слишкомъ еще юнаго, чтобы участвовать въ нихъ. Тамъ же находилась и сестра бабушки Анны Федоровны, монахиня Настасья Федоровна, попавшая въ инокини обманомъ, совершенно неожиданно. Мать ея ѣхала куда-то и заѣхала въ монастырь къ знакомой игуменьѣ; та упростила ее оставить дочь въ монастырѣ погостить. Когда же мать вернулась, то дочь была уже пострижена. Много было въ томъ домѣ люду, но я упомяну еще только о Михаилѣ Николаевичѣ Муравьевѣ. Его подобрали гдѣ-то на дорогѣ раненаго подъ Москвою и помѣстили въ означенномъ домѣ. Ему было тогда 15 лѣтъ. Тетушка Анна Ивановна приводила меня къ нему въ комнату, чтобы я помогала ей дѣлать корпію для его раны. Однажды она забыла въ его комнатѣ ножницы и послала меня за ними. Я вошла и застала у него двухъ молодыхъ людей. Я присѣла и сказала, что пришла за ножницами. Одинъ изъ нихъ вертѣлъ ихъ въ рукахъ и съ поклономъ подаль мнѣ. Когда я уходила, то кто-то изъ нихъ сказалъ: *elle est charmante!* *) Это меня нѣсколько смутило. Объ этой встрѣчѣ съ Муравьевымъ я бы и не упомянула, еслибы въ послѣдствіи не испытала чрезъ нее большаго удовольствія. Чрезъ 45 лѣтъ послѣ нея я сидѣла у двоюродной сестры Безобразовой въ Петербургѣ, среди другихъ родственницъ; намъ доложили о пріѣздѣ Михаила Николаевича Муравьева. Когда онъ вошелъ и раскланялся, то хозяйка представила меня ему и, когда я сказала, что мы старые знакомые и что я когда-то дѣлала для него корпію, то онъ всплеснулъ руками, лицо его озарилось радостію, и, онъ подойдя ко мнѣ, взялъ мои обѣ руки, сталъ ихъ цѣловать и все повторялъ: „Ахъ Боже! Это Анна Петровна!“ Потомъ, сидя на диванѣ, безпрестанно смотрѣлъ на меня и все восклицалъ: „Ахъ, Боже! Это Анна Петровна!.. Я

*) Она прелестна!

долго васъ искалъ!" Онъ такъ былъ нѣженъ и ласковъ, что возбудилъ зависть въ присутствующихъ, и это меня очень огорчало. Не касаясь общественной его дѣятельности, замѣчу, что въ его душѣ была теплота, и онъ имѣлъ неотъемлемыя достоинства какъ семьянина. Но достоинства семьянина не всегда совпадаютъ съ достоинствами гражданина.

Изъ Владимира мы поѣхали къ дядѣ моему Александру Марковичу Полторацкому, въ Тамбовскую губернію. Онъ далъ намъ карету, и мы покатили въ ней въ Лубны. Дорогою меня очень огорчила тетушка Анна Ивановна, окромсавъ мнѣ волосы, чтобы я будтобы не кокетничала ими. Вообще эта дорога не оставила во мнѣ пріятныхъ воспоминаній. Надо мною много, много умничали, а не заботились, чтобы мнѣ было тепло, и я часто плакала и постоянно зябла. Ласки бабушки и маменьки нѣсколько ободряли и утѣшали меня. Какъ бы то ни было, но мы поздною осенью добрались таки до Лубенъ. Они были все тѣже; обитатели ихъ все также были добродушны, хлѣбосольны; также безпечно веселились, не думая ни о чемъ. Да и могло ли быть иначе? Могла ли произойти перемѣна въ четыре года моего отсутствія изъ нихъ, когда и теперь, чрезъ 58 лѣтъ послѣ того, едва замѣтны перемѣны въ ихъ общественной жизни, не смотря на прогрессивное движеніе посюду? Люди теперь, правда, не тѣ: но порядки все тѣже. Но я умолчу о нынѣшнемъ состояніи Лубенъ и спешу окончить воспоминанія о своемъ дѣтствѣ.

Въ Лубнахъ я прожила въ родительскомъ домѣ до замужества, учила брата и сестеръ, мечтала въ рощахъ и за книгами, танцевала на балахъ, выслушивала похвалы постороннихъ и порицанія родныхъ; участвовала въ домашнихъ спектакляхъ, подобно тому какъ и въ дѣтствѣ въ Берновѣ, гдѣ m-me Bénédict заставляла насъ разыгрывать дѣтскія піесы, и вообще вела жизнь довольно пошлую, какъ и большинство провинціальныхъ барышень. Батюшка продолжалъ быть строгимъ со мною, и я дѣвучкой его также боялась, какъ и въ дѣтствѣ. Противорѣчить ему въ чемъ-либо, или возстать противъ его рѣшенія мнѣ казалось положительно невозможнымъ, и я покорялась всему безмолвно. Если мнѣ случалось танцевать съ кѣмъ-нибудь на балѣ два раза сряду, то онъ жестоко нападалъ на мою добрую, горячо любимую мать, зачѣмъ она допускала это, и я горько плакала, что оскорбляютъ изъ-за меня нѣжно любимую мною и дорогую мнѣ особу, неспособную, по слабости, ни къ какому протесту и отпору. Впрочемъ, онъ прямо и на меня накидывался, и рѣдкій балъ проходилъ благополучно для меня. Онъ не стѣснялся дѣлать мнѣ сцены за какой-нибудь промахъ, даже на самомъ балѣ. Я вѣчно была въ ужасѣ отъ него.

Тогда стоялъ у насъ егерскій полкъ, и офицеры его и даже командиръ старикъ Экельнъ были моими поклонниками. Но родители мои не находили никого изъ нихъ достойнымъ меня. Но явился дивизионный генералъ Кернъ, начальникъ дивизіи, въ которой состоялъ тотъ полкъ, и родители нашли его достойнымъ меня, стали поощрять его поклоненія и стариковъ-

скія ухаживанія, столь невыносимыя, и сдѣлались со мною ласковы. Отъ любезничаній генеральскихъ меня тошнило, я съ трудомъ заставляла себя говорить съ нимъ и быть учтивою, а родители все пѣли похвалы ему. Имѣя его въ виду, они отказывали многимъ, искавшимъ моей руки, и ждали генеральскаго предложенія съ нетерпѣніемъ. Ожиданіе ихъ продолжалось недолго. Вскорѣ послѣ знакомства, генералъ Кернъ прислалъ ко мнѣ одну изъ жившихъ у насъ родственницъ съ просьбою выслушать его. Зная желаніе родителей, я отвѣчала ему, что готова его выслушать, но прошу только недолго и немного разговаривать. Я знала, что судьба моя рѣшена родителями и не видѣла возможности измѣнить ихъ рѣшеніе. Передательницу генеральскаго желанія я спросила: а буду я его любить, когда сдѣлаюсь его женою? Она сказала „да“ и ввела генерала. „Не противенъ ли я вамъ?“ спросилъ онъ меня и, получивъ въ отвѣтъ: *нѣтъ*! пошелъ къ родителямъ и сдѣлался моимъ женихомъ.

Его поселили въ нашемъ домѣ и заставляли меня быть почаще съ нимъ. Но я не могла преодолѣть отвращенія къ нему и не умѣла скрыть этого. Онъ часто высказывалъ огорченіе по этому поводу и разъ написалъ на лежавшей предъ нимъ бумагѣ:

Двѣ горлицы покажутъ
Тебѣ мой хладный прахъ...

Я прочла и сказала: старая пѣсня! „Я покажу, что она будетъ нестарая“, вскричалъ онъ и хотѣлъ еще что-то продолжать, но я убѣжала. Меня за это сильно распекли.

Батюшка сторожилъ меня какъ евнухъ, ублажая въ пользу противнаго мнѣ генерала и слѣдилъ за всѣми, кто могъ открыть мнѣ глаза на предстоящее супружество. Онъ жестоко разругалъ мою компаніонку за то, что она говорила мнѣ часто: *несчастная!* и онъ это слышалъ. Онъ употреблялъ возможныя старанія, чтобы бракъ мой не разстроился и старался увѣнчать его успѣхомъ. Я вѣнчалась съ Керномъ 8 Января 1817 года въ соборѣ. Всѣ восхищались, многіе завидовали. А я тутъ кстати замѣчу, что бивакъ и поле битвы не такія мѣста, на которыхъ вырабатываются мирныя семейныя достоинства и что боевая жизнь не развиваетъ тѣхъ чувствъ и мыслей, какія необходимы для семейнаго счастья. Я знаю это изъ опыта. Но мое несчастіе въ супружествѣ не таково, чтобы возможно его описать теперь, когда я уже переживаю послѣднія страницы собственнаго романа и когда миръ и всепрощеніе низошли въ мою душу. Этимъ я и окончу свое послѣднее сказаніе, прося снисхожденія къ моей старушечьей болтовнѣ.

Анна Петровна Маркова-Виноградская.

19 Октября 1870 г.
г. Лубны.

*

Эти воспоминанія, представляющія живую картину стариннаго быта, доставлены намъ сыномъ сочинительницы, отъ втораго ея брака, г-номъ Марковымъ-Виноградскимъ. Анна Петровна памятна въ нашихъ преданіяхъ тѣмъ, что она внушила Пушкину одно изъ лучшихъ его стихотвореній („Я помню чудное мгновеніе“). Нѣкоторое время поэтъ былъ страстно влюбленъ въ нее, какъ свидѣлствуютъ его Французскія письма къ ней, нынѣ вошедшія въ послѣднее собраніе его сочиненій (М. 1882). Читатели Р. Архива (1884, I, 470) припоминаютъ также письмо Родзянки къ Пушкину съ ея приписками. Это было живое, даровитое и смолоду обаятельное существо, занимающее не послѣднее мѣсто въ біографіи Пушкина. Судьба не была къ ней милостива. Она скончалась въ 1880 году въ бѣдности, въ Москвѣ, и, по странной случайности, гробъ ея повстрѣчался съ памятникомъ Пушкина, который ввозили въ Москву, къ Тверскимъ воротамъ. Анна Петровна Кернъ славилась красою; только ноги у нея не соответствовали общему впечатлѣнію, которое она производила. Это дало поводъ С. А. Соболевскому къ слѣдующимъ шуточнымъ стихамъ, написаннымъ около 1827 года. Въ то время Пушкинъ и Соболевскій часто встрѣчались съ Анною Петровою въ домѣ барона А. А. Дельвига, который не задолго передъ тѣмъ женился на Софѣ Михайловнѣ Салтыковой.

Ну скажи, каковъ я?
Счастливъ безпримѣрно:
Баронесса Софья
Любитъ насъ навѣрно!

— „Чтѣ за простота!
Вѣдь она не та!
Я жъ пѣжпѣй кота,
Легче всякой серны
Къ пожкамъ милой Керны.
Ахъ, какъ онѣ скверны!

У насъ сохранился своеручный листокъ Соболевскаго съ этими стихами, и на немъ отмѣчено имъ же, что „стихотвореніе это безпрестанно твердилъ Пушкинъ“. П. Б.

